

УДК 343.352

С.А. Елисеев

**СПОРНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА
ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ОТ 9 ИЮЛЯ 2013 Г. № 24 «О СУДЕБНОЙ
ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ И ОБ ИНЫХ
КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ»**

В статье анализируются положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Автор критически оценивает ряд разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, обосновывает свое решение существующих проблем применения ст. 290, 291.1 УК РФ.

Ключевые слова: постановление Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам, получение взятки, посредничество во взяточничестве, вопросы квалификации.

9 июля 2013 г. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Значение этого постановления для совершенствования судебной практики очевидно – оно принято после внесения законодателем в декабре 2011 г. значительных изменений в статьи гл. 30 УК РФ. В этом постановлении Пленум Верховного Суда РФ дал разъяснения, в целом способствующие единообразному применению уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 290, 291, 291.1, 292 УК РФ.

В то же время некоторые положения постановления от 9 июля 2013 г. вызывают возражения либо требуют уточнения. Так, в п. 10 постановления разъясняется, что «получение и дача взятки, а равно незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе, посредничество во взяточничестве в виде непосредственной передачи взятки считаются оконченными с момента принятия должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, хотя бы части передаваемых ему ценностей... Если взяткодатель (посредник) намеревался передать, а должностное лицо – получить взятку в значительном или крупном либо особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченные дачу либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном или особо крупном размере».

С общим определением момента окончания получения, дачи взятки, посредничества во взяточничестве следует согласиться. Однако нельзя признать обоснованным утверждение, что получение взятки, посредничество во взяточничестве в значительном, крупном или особо крупном размерах окончены и в случаях, когда принятое должностным лицом незаконное вознаграждение в действительности не имело размера, необходимого в соответствии с примечанием 1 к ст. 290 УК РФ для признания его значительным, крупным или

особо крупным. Такая трактовка момента окончания получения, дачи взятки, посредничества во взяточничестве, отнесенных законодателем к числу квалифицированных с учетом размера взятки, не отвечает положениям ст. 29, 30 УК РФ. Как известно, в соответствии с ч. 1 ст. 29 УК РФ преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного Кодексом. Покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам (ч. 3 ст. 30 УК РФ). Из законодательного определения прямого умысла (ч. 2 ст. 25 УК РФ) следует, что в преступлениях с формальным составом (такой состав имеют получение, дача взятки, посредничество во взяточничестве) предметом интеллектуального и волевого моментов умысла являются действия (бездействие), объективные свойства которых определены в нормах Особенной части УК РФ. Сказанное позволяет утверждать, что в случае получения должностным лицом части взятки, квалифицированной по размеру, содеянное в соответствии с направленностью умысла виновного следует признавать покушением на получение, дачу взятки, посредничество во взяточничестве в значительном, крупном или особо крупном размере.

Надо сказать, что при обсуждении проекта постановления от 9 июля 2013 г. о несогласованности найденного Верховным Судом РФ решения с предписаниями Общей части УК РФ говорили Л. Иногамова-Хегай, Н. Лопашенко, М. Любавина, Л. Боровых, В. Степанов, В. Шумихин, Н. Чудин. Однако их мнение разработчики постановления не учли. Свое решение они аргументировали так: «...с учетом сложившейся судебной практики по данному вопросу был поддержан основной текст пункта» (десятого пункта проекта. – С.Е.) [1. С. 40, 74, 88, 90, 136]. Но очевидно, что судебный прецедент не должен создавать алгоритм квалификации, противоречащий положениям уголовного закона РФ. Иначе судебную практику придется признать, наряду с УК РФ, формальным источником российского уголовного права.

В постановлении от 9 июля 2013 г. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что получение должностным лицом (лицом, выполняющим управленческие функции) ценностей за совершение действий (бездействия), которые в действительности оно не может осуществить ввиду отсутствия служебных полномочий и невозможности использовать свое служебное положение, образует мошенничество (при наличии умысла на приобретение ценностей). Пленум Верховного Суда РФ к мошенничеству отнес и действия лица, получившего ценности якобы для передачи должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции, в качестве взятки либо предмета коммерческого подкупа, однако заведомо не намеревавшегося исполнять свое обещание и обратившего эти ценности в свою пользу. Мошенничество также составляют действия лица, обещавшего либо предложившего посредничество во взяточничестве, однако заведомо не намеревавшегося передавать ценности в качестве взятки и обратившего полученное от взяткодателя в свою пользу.

Владелец ценностей, переданных этим лицам, несет ответственность за покушение на дачу взятки или коммерческий подкуп (пп. 24, 26)¹.

Казалось бы, позиция Пленума Верховного Суда РФ убедительна. В названных постановлении от 9 июля 2013 г. случаях действительно есть получение «лжевзяктополучателем», «лжепосредником» имущественной выгоды за счет взяткодателя. Эту выгоду они извлекают посредством обмана. Обман заключается в ложных уверениях совершить нужные взяткодателю действия (бездействие), в умолчании своих действительных намерений. В содеянном просматривается и причинение имущественного ущерба взяткодателю – он передает ценности, составляющие взятку, но не получает взамен нужных ему действий от «лжевзякодателя», «лжепосредника». Последние, обращая взятку в свою пользу, преследуют корыстную цель. Однако возникает вопрос: какому же объекту уголовно-правовой охраны причиняет вред содеянное в этих случаях? Пленум Верховного Суда РФ, несомненно, полагает, что «лжевзяктополучатель», «лжепосредник» своими действиями причиняют вред общественным отношениям собственности, правомочиям собственника по владению, пользованию, распоряжению имуществом. Но можно ли признавать использование имущества в качестве средства совершения преступления (дачи взятки) правовым благом, охраняемым уголовным законом? Отвечая на этот вопрос, необходимо отметить, что уголовное законодательство (как это следует из содержания ч. 1 ст. 2 УК РФ) призвано защищать от преступных посягательств значимые для личности, общества и государства общественные отношения, охранять права и законные интересы субъектов этих отношений. Объект преступления – то или иное общественное отношение, как справедливо отмечает В.Д. Филимонов, может сформировать лишь такое благо, которое имеет общественную ценность; в качестве объекта «благо может выступать в тех случаях, когда оно, во-первых, выражается в социально-полезном общественном отношении, во-вторых, является объектом социально-полезного общественного отношения» [2. С. 23–24].

На позиции защиты прав и законных интересов субъектов именно социально полезных общественных отношений стоит и гражданское законодательство РФ. Так, в ГК РФ сказано, что совершаемые собственником действия не должны противоречить закону и иным правовым актам (п. 2 ст. 209 ГК РФ). ГК РФ не защищает право собственности лица, осуществляющего его ненадлежащим образом, злоупотребляющего им. Согласно ст. 169 ГК РФ сделки, совершенные с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности, являются ничтожными. К таким сделкам относятся сделки, нарушающие основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои [3]. В случае исполнения сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности, все полученное по ней сторонами взыскивается в доход Российской Федерации.

¹ Такое же по существу разъяснение содержалось в пп. 20, 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе».

Уместно напомнить, что советские уголовные законы ставили своей задачей защиту от всяких посягательств советского строя прав и интересов граждан СССР, гарантированных Конституцией СССР, конституциями республик, прав и охраняемых законом интересов учреждений, предприятий, организаций [4. С. 135–137]. В науке советского уголовного права не вызывало сомнений утверждение, что собственник, по своему усмотрению выходящий в использовании имущества за установленные законом пределы, не может претендовать на то, чтобы закон охранял его интересы; за установленными законами пределами использование собственником имущества есть не что иное, как акт фактического распоряжения им, который сам по себе является правонарушением, исключающим возможность признания такого лица потерпевшим [5. С. 16]. Судебная практика советского времени не относила злоупотребление правом собственности к числу правовых благ, охраняемых уголовным законом. Верховный Суд СССР, в частности, не усматривал мошенничества в действиях лица, получившего от взяточдателя деньги либо иные ценности якобы для передачи должностному лицу и присвоившего их. Содеянное этим лицом он предлагал квалифицировать, в зависимости от обстоятельств дела, как подстрекательство к даче взятки либо пособничество во взяточничестве [6].

В русском уголовном праве к объекту преступного деяния относили «правоохраняемый интерес». Посягательство на интерес, лишенный правоохраны, рассматривалось как деяние непроступное [7. С. 186]. В уголовно-правовой литературе утверждалось, что «закон государственный не должен выступать ни гражданским, ни уголовным порядком на защиту... преступных сделок, и обман, совершенный при их заключении или исполнении, должен просто игнорироваться» [8. С. 389]. Таким правилом руководствовалась в XIX в. и судебная практика. Правительствующий Сенат в то время неоднократно высказывался о ненаказуемости подобных обманов. Так, он не признал наказуемым обман при исполнении сделки о продаже золотого песка, вместо которого были проданы медные опилки, так как сама по себе такая сделка запрещена [8. С. 389].

Пленум Верховного Суда РФ как бы забыл историю российской уголовно-правовой мысли, правоприменения, не обратил внимание на социальное предназначение действующего российского уголовного закона, на принципиальные положения ГК РФ и рекомендовал судам привлекать к уголовной ответственности как совершивших мошенничество лиц, не исполнивших обещание совершить преступление (в случае «лжепосредничества» – передать взятку, предмет коммерческого подкупа), преступление или иные действия, обусловленные получением взятки (при получении ценностей «лжевзяткополучателем»). Соответственно лиц, злоупотребивших правом собственности, использовавших свое имущество для совершения преступления – дачи взятки, Пленум Верховного Суда РФ рекомендовал признавать потерпевшими.

Однако сказанное, думается, убеждает, что содеянное «лжепосредником», «лжевзяткополучателем» не образует мошенничества, поскольку посягает на имущественные интересы взяточдателя, выразившиеся в общественно опасном поведении, не имеющим, говоря словами Н.С. Таганцева, правовой охраны. Вместе с тем в действиях этих лиц нельзя не увидеть признаки таких

преступлений: в действиях «лжевзяtkополучателя», при наличии определенных условий, подстрекательства к даче взятки;¹ в действиях «лжепосредника» – преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291.1 УК РФ. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве предполагает, по смыслу уголовно-правового запрета, совершение лицом действий, направленных на доведение до сведения взяткодателя (взяtkополучателя) информации о своем намерении стать посредником во взяточничестве. С момента совершения этих действий преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, как правильно отметил Верховный Суд РФ, считается оконченным (п. 26 постановления от 9 июля 2013 г.). В УК РФ не сказано, что обещание или предложение посредничества во взяточничестве должно выражать намерение лица действительно стать посредником во взяточничестве. Поэтому состав преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291 УК РФ, образуют действия не только лиц, действительно намеревавшихся быть посредником, но и лиц, такого намерения не имевших (с целью присвоения ценностей, получаемых от взяткодателя для передачи должностному лицу, давших согласие, предложивших быть посредником во взяточничестве).

Литература

1. Уголовное право: научно-практический журнал. № 5. Сентябрь – октябрь. М.: АНО «Юридические программы», 2013. 144 с.
2. Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. 198 с.
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 апреля 2008 г. № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2014. Доступ из локальной сети Науч. 6-ки Том. гос. ун-та.
4. Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М.: Госюриздат, 1961. 666 с.
5. Никифоров Б.С. Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР. М., 1954. 156 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23.09.1977 № 16 «О судебной практике по делам о взяточничестве» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2014. Доступ из локальной сети Науч. 6-ки Том. гос. ун-та.
7. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 1. 393 с.
8. Сергеевский Н.Д. Мошенничество по русскому действующему праву // Юридическая летопись. 1890. Ноябрь. С. 373–410.
9. Борков В.Н. Квалификация получения взятки. Омск, 2005. 82 с.

Eliseev Sergey A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

SOME CONTROVERSIAL PROBLEMS OF THE RULING OF THE RUSSIAN FEDERATION SUPREME COURT PLENUM № 24 DATED 09.07.2013 «ON COURT PRACTICE IN THE BRIBERY CASES AND OTHER CORRUPTION CRIMES».

Keywords: Ruling of the Russian Federation Supreme Court Plenum in criminal cases, bribe taking, mediation in bribery, problems of qualification.

On the 9th of 2013, the Russian Federation Supreme Court Plenum adopted the ruling № 24 2013 “On court practice in the bribery cases and other corruption crimes”. Some provisions of the Plenum are much objected to and should be defined. For example, the interpretation of the final moment of bribe

¹ По мнению В.Н. Боркова, действия должностного лица – «лжевзяtkополучателя» следует квалифицировать как превышение должностных полномочий [9. С. 73].

taking, bribery and mediation in bribery which are considered according to the size of a bribe, does not correspond to the provisions of articles of the Criminal Code (CC) of the Russian Federation (RF). It results from the legislative definition of direct intent (Part 2, Article 25 of the CC of the RF) that in case of an official partial bribe taking (when the bribe is defined according to its size) and according to the intent of the guilty person, the criminal act can be characterized as an attempted bribe taking, bribery, mediation in bribery in big and especially big amounts.

In its Ruling dated 09.07.2013 the Supreme Court of the Russian Federation stated that the official taking (by the official involved in administration) of valuables for acts or omission of acts which he/she cannot perform because of the lack of powers and impossibility to take advantage of his/her official position constitutes fraud (if there is an intent to take valuables). The Plenum of the Supreme Court included into the fraud the following acts: the acts of a person who took the valuables in order to transfer them purportedly to another official as a bribe but who in fact did not mean to keep his promise and took them for himself. But can we consider the use of property for commission of a crime (bribery) to be of legal benefit protected by the criminal law? Answering this question it is necessary to note that criminal legislation (as it is stated in Part 1, Article 2 of the CC of the RF) is called to protect public relations which are important for a person, society and the state against criminal infringements, to protect the rights and legal interests of the subjects of these relations. Taking into account the social intended purpose of current Russian criminal law, the principal provisions of the Civil Code of the Russian Federation, we come to the conclusion that what was committed by a "false mediator" and a "false bribe taker" is not a fraud because it violates the property interests of the bribe giver that is expressed in a socially dangerous behavior which according to Tagantsev N.S. has no legal protection. The acts of the above people have the characteristics of the following crimes: under the definite conditions the acts of a "false bribe taker" constitute the incitement to commit bribery: the acts of "false mediator" constitute the crime provided for in Part 5, Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

References

1. *Ugolovnoe pravo*, no. 5, 2013. 144 p.
2. Filimonov V.D. *Okhranitel'naya funktsiya ugolovnogo prava* [The protective function of criminal law]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr 'Press' Publ., 2003. 198 p.
3. *Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 10 aprelya 2008 g. № 22 "O nekotorykh voprosakh praktiki rassmotreniya sporov, svyazannykh s primeneniem stat'i 169 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of April 10, 2008, no. 22 "On some issues concerning the application of Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76668/.
4. Piontkovskiy A.A. *Uchenie o prestuplenii* [The doctrine of the crime]. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1961. 666 p.
5. Nikiforov B.S. *Ugolovno-pravovaya okhrana lichnoy sobstvennosti v SSSR* [Criminal law protection of the personal property in the USSR]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1954. 156 p.
6. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR ot 23.09.1977 № 16 "O sudebnoy praktike po delam o vzyatochnichestve"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of September 23, 1977, № 16 "On judicial practice in bribery cases"]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17539>.
7. Tagantsev N.S. *Russkoe ugolovnoe pravo*. Lektsii. Chast' Obshchaya: v 2 t. [Russian criminal law. Lectures. In 2 vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1994, vol. 1, 393 p.
8. Sergeevskiy N.D. *Moshennichestvo po russkomu deystvuyushchemu pravu* [Fraud under the applicable law in Russia]. *Yuridicheskaya le-topis'*, 1890, November, pp. 373-410.
9. Borkov V.N. *Kvalifikatsiya polucheniya vzyatki* [Subsumption of bribery]. Omsk, 2005. 82 p.